

Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии¹

Задачи конституционно-правового развития России требуют проведения своего рода «консервативной модернизации» отечественного конституционного права. Речь идет о том, чтобы с опорой на наше богатое юридическое наследие, включающее в себя и дореволюционный, и советский опыт правового осмысления реальности, сформировать адекватные, в том числе инновационные, научно-методологические подходы, позволяющие осуществлять системный и комплексный анализ современного российского конституционализма, прогнозировать его динамику в перспективном исторически изменяющемся социокультурном контексте. В конкретно-прикладном плане это продиктовано настоятельной необходимостью разработки и внедрения в законодательную и правоприменительную практику успешных технологий реализации социально-правового потенциала Конституции РФ на основе оптимально взвешенного сочетания собственно юридических и иных нормативных регуляторов, гармонизированного соотношения государственно-правовой (цивилизационной) преемственности и прогресса, национально-культурной самобытности России и ее интеграции в международное сообщество, достоинства человеческой личности и суверенной государственности.

Формированию конституционно обоснованной современной дог-

Джагарян Армен Арменович,
советник судьи
Конституционного Суда РФ,
кандидат юридических наук
schtiller@yandex.ru

**Джагарян
Наталья Владимировна,**
доцент кафедры муниципального
права и природоохранного
законодательства Южного
федерального университета,
кандидат юридических наук,
доцент
ndjagaryan@yandex.ru

**Dzhagaryan
Armen Armenovich,**
advisor to the judge
of the Constitutional Court of the RF,
candidate of juridical sciences

**Dzhagaryan
Natal'ya Vladimirovna,**
assistant professor of the chair
of municipal law and environmental
legislation of South federal univer-
sity, candidate of juridical sciences,
assistant professor

мы российского права должно непременно сопутствовать погружение в социальную сущность и предназначение тех институтов, которые она выражает. Только таким путем, как заметил С.А. Муромцев, познается источник различных свойств института, их значение и взаимное соотношение, тогда как пренебрежение этим путем создает некую ловушку односторонности, и излишнее предпочтение может быть отдано свой-

ству, почему-либо бросившемуся в глаза². Пониманием этого обстоятельства определяется ориентация на исследование правовой реальности в соответствии с признанием и последовательным проведением принципа методологического плюрализма. Это предполагает взаимодействие юридико-догматического и философско-правового анализа в сочетании с использованием методов иных, неюридических, дисциплинарных направлений общественнознания, включая прежде всего социологию, культурологию, политологию, экономику, — в той мере, в какой отраженные в них общественные процессы, явления выступают факторами формирования, изменения и развития элементов самой правовой реальности и соответственно могут рассматриваться как составная часть метаправовой действительности.

Рецензируемая монография Н.С. Бондаря, изданная в рамках проектной серии «Библиотечка судебного конституционализма», отражает общий замысел этого проекта, связанный с переосмыслением и развитием концептуальных научных схем современного российского конституционного права и одновременно их операционализацией и технологизацией на основе разработки и применения интегративной (синтетической) методологии конституционно-правового познания в свете оригинальной авторской

¹ Рецензия на книгу: Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. М.: Юрист, 2013. 176 с. ■ ² См.: Муромцев С.А. Что такое догма права? Критико-полемическая заметка по поводу статьи г. Гольмстена // Юридический вестник. 1884. Т. XVI. № 5–6. С. 239–240.

доктрины судебного конституционализма. В рамках нового, очередного, выпуска этой серии автор, руководствуясь, по его собственному признанию, идеей «ценностной обусловленности познания современного мира» (с. 13), предлагает взять за основу конституционного правопонимания (как и конституционно-правовой деятельности, конституционно-правового творчества) аксиологический подход. Аксиология судебного конституционализма — как некоего порождения, отражения и политико-правовой формы (режима) обеспечения охранительно-гарантирующего и преобразовательного судебного правового воздействия на конституционный строй демократически организованного общества, — представлена в книге в двуедином качестве. И как формирующаяся прежде всего в рамках конституционного правосудия специфическая методология анализа конституционно-правовой реальности, и как система критериев, стандартов, алгоритмов, процедур гармонизации коллидирующих конституционных ценностей и связанных с этим социальных противоречий. Соответственно с аксиологией судебного конституционализма в книге связывается, с одной стороны, научно-теоретическое освоение ценностей «национально-исторической, религиозной, духовной идентичности, которые отражают все богатство социальных, политических, экономических, культурологических и, естественно, правовых характеристик современной российской государственности» (с. 8), а с другой — «практическая конституционно-судебная

аксиология» (с. 14). По мнению Н.С. Бондаря, свое практическое конституционно-правовое значение аксиология приобретает «как учение о конституционных ценностях демократического правового развития общества и государства, признания и защиты прав и свобод граждан, равенства и справедливости, воплощения в жизнь, в том числе с помощью конституционно-правовых средств, основных ценностей нашей жизни» (с. 13).

В контексте же судебного конституционализма соответствующие различные аспекты конституционной аксиологии становится возможным отразить наиболее рельефно, зримо, и в том числе в нем находят свое проявление и оказываются практически востребованными междисциплинарные начала ценностного подхода. Это связано с возможностью и необходимостью при рассмотрении конституционных явлений, отношений, процессов, норм, институтов учитывать в том числе их философские, социально-политические, нравственно-этические, культурологические, мировоззренческие и одновременно универсальные транснациональные, международно-правовые аспекты.

Представляется, что потенциал аксиологического подхода как своего рода объединительного (системообразующего) фактора в рамках современной методологии познания российского конституционализма коренится прежде всего в его личностных началах, поскольку в центре конституционно-правовой системы находятся человек и его проявления в юридической реальности — права и свободы. Вместе с тем это свя-

зано с объективной ролью, которую конституционные ценности играют в конституционно-правовой (и шире — государственно-общественной) системе, имея в виду, в частности, такие их функции, как: а) интегративно-коммуникативная (как внутри национального общества, так и в отношениях межнационального общения); б) креаторно-утопическая — формирование и фиксация идеальных конституционных образов будущего, ориентирующих на стремление к ним в настоящем; в) континуально-передаточная — трансляция воспринятых от предшествующих поколений государственно-правовых традиций и обеспечение соотносимого с цивилизационно-культурным генотипом нации преемственного государственно-правового развития; г) нормативно-регулятивная; д) контрольно-охранительная; е) идеологическая.

Не случайно сегодня примат ценностной проблематики в соотношении с материальными факторами общественно-государственного развития приобретает все более явные формы, в том числе, государственно-политического выражения. «И экономический рост, и благосостояние, и геополитическое влияние» начинают рассматриваться как в конечном итоге производные от того, насколько гражданам «укоренены, в своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность», а «формирование гражданской идентичности на основе общих ценностей» заявляется «необходимым условием сохранения единства страны»³.

³ Выступление Президента РФ В.В. Путина на итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243>

Россия всегда была и остается страной-идеей, страной-цивилизацией, поэтому и вопрос о ценностях является в наших условиях не просто одним из существенных, но он имеет первостепенный, жизненно важный характер, и прежде всего в конституционно-правовом измерении. Ведь сама Конституция РФ, замечает Н.С. Бондарь, содержит в себе своего рода генетический (социокультурный) код многонационального народа России, который должен определять конституционные параметры достигнутого и обозначать нормативно-правовые ориентиры дальнейшего развития общества и государства, а юридическим выражением этого кода служат прежде всего конституционные ценности (с. 23).

Аксиологические основы судебного конституционализма Н.С. Бондарь раскрывает в трех основных измерениях: а) сама по себе Конституция как ценность; б) получающие прямое закрепление в нормах и институтах Конституции ценности; в) имплицитно выраженные конституционные ценности как результат практической конституционной аксиологии (с. 17).

Примечательно, что конституционные ценности (в самом широком значении) рассматриваются как категория действующего права, притом характеризующаяся особой юридической природой (с. 17–22).

Нормативность конституционных ценностей определяется тем, что, во-первых, они утверждаются в качестве первичного и безусловного основания как для правовой системы государства в целом, так и для каждой ее юридической нормы волей народа, для которого они имеют объективную социальную значимость. Во-вторых, они находятся в тесных (имплицитных и экспли-

цитных) прямых и обратных связях с нормативной энергией Основного закона: служат фактическим социально-правовым генератором этой энергии, с одной стороны, и оказывают по итогам своего закрепления на конституционном уровне непосредственно регулирующее формально-юридическое воздействие на общественную практику — с другой. В-третьих, конституционные ценности состоят в системном единстве с нормативными величинами наиболее высокого, абстрактного уровня, такими как общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных явлений и т.п., в соотношении с которыми они выступают и как регулятивная основа, и как содержательное наполнение соответствующих форм проявления политико-правового бытия. В-четвертых, нормативно-преобразующее значение конституционных ценностей проявляется в их использовании в конституционном правосудии как средства для выявления и оценки правомерных моделей организации общественных отношений, преодоления пробелов и дефектов в правовом регулировании, определения тенденций развития конституционных отношений, обоснования конституционной стратегии совершенствования законодательства по направлениям, попавшим в сферу конституционного нормоконтроля.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос о том, как соотносятся между собой конституционные ценности и иные конституционно-правовые категории, включая прежде всего конституционные принципы, основы, презумпции, не происхо-

дит ли в данном случае отождествление этих явлений? По мнению Н.С. Бондаря, конституционные ценности, хотя и обладают нормативно-правовыми свойствами прямого действия и получают во многих случаях нормативную энергию, в том числе из указанных правовых «источников», в то же время не сводятся к соответствующим, смежным с ними, категориям — они выступают в качестве особых, своего рода метаюридических, нормативно-правовых величин (с. 25).

Действительно, особенность конституционных ценностей состоит в том, что они одновременно существуют в двойном измерении. С одной стороны, как неотъемлемая составная часть правовой (формально-нормативной) реальности, специфическое проявление регулятивного механизма действующего позитивного права. А с другой стороны — как одна из важнейших составляющих психосоциального мира, посредством которой отражаются фактически сложившиеся в общественном сознании (психике людей) устойчивые представления и чувства, связанные с восприятием социально необходимого, полезного, значимого, востребованного, а потому — вмененного, должного, и такие представления, чувства, образы, эмоции характеризуют объективные закономерности общественного развития, во многом определяют в качестве реального основания действующий (позитивный) правопорядок.

Таким образом, конституционные ценности — как возникающие в ходе естественно-исторического развития государственно организованного общества закономерности общественного восприятия и поведения, в которых выражаются высшие социальные идеалы, наи-

более рациональные и социально оправданные (полезные) модели человеческих взаимосвязей, — служат основой системы нормативно-правового регулирования, своего рода детерминантами формирования и реализации правовых принципов, норм, институтов и т.п. Вместе с тем именно в рамках системы позитивного права им сообщается государственно-волевой, властно-обязывающий характер, и конституционные ценности, в единстве с конституционными принципами, презумпциями, основами, целями, нормами, институтами и т.п., образуют целостный механизм правового воздействия, приобретают завершённое качество формально-юридической нормативности.

Поэтому прав Н.С. Бондарь, полагая, что ценностная значимость присуща всем конкретным нормам Основного закона (с. 15), и конституционные ценности выступают не только, а во многих случаях не столько конституционно-правовыми категориями, но также категориями морали, нравственности, цивилизационных, общедемократических требований, служат квинтэссенцией духа Конституции (с. 25). В этом плане как в методологическом, так и в конкретно-практическом отношении является безусловно значимым его вывод о том, что соответствие фактических социально-правовых ценностей формальным удваивает их нормативный потенциал, тогда как противоречие между ними не только снижает доверие к Конституции и затрудняет реализацию ее положений, но и снижает эффективность всего правового регулирования (с. 21).

Двойственная, социально-правовая, природа конституционных ценностей и их принадлежность к характеристикам высших публично-

социальных реакций (мировоззренческих, чувственных, поведенческих) определяют тесную взаимосвязь конституционных ценностей со сферой политического. Н.С. Бондарь указывает на проявления этой взаимосвязи, которые сводятся к наличию политических начал: во-первых, в самих конституционных ценностях, чем обуславливается их комплексный, политико-правовой, характер; во-вторых, в механизмах реализации конституционных ценностей, их вторжения в ткань государственной, социально-культурной, экономической и других областей жизни, имея в виду в том числе конституционно-судебные механизмы (с. 28). Но это и не означает, что конституционные ценности приобретают характер правового проявления политической целесообразности, а, наоборот, посредством конституционных ценностей политическая целесообразность прежде всего в ходе процедур конституционно-судебного контроля приобретает конституционные ориентиры, входит в сферу, ограниченную рамками конституционно-возможного, допустимого, приемлемого. Не подчинение конституционного правосудия политике и политизация конституционно-правовой сферы, а конституционализация политики с помощью конституционного правосудия — вот максима, которую Н.С. Бондарь выдвигает в качестве принципа соотношения правового и политического в деятельности конституционно-судебного контроля (с. 30).

Конституционные ценности образуют открытую, динамическую, развивающуюся систему, а их реализация может приводить к возникновению аксиологических коллизий, конфликтов, противоречий. Поэтому важной качественной ха-

рактеристикой практической аксиологии судебного конституционализма является обеспечение баланса конституционных ценностей (с. 35–48). В рамках соответствующей рубрики в монографии Н.С. Бондарем в концентрированном виде изложены, по сути, концептуальные основы конституционно-судебной технологии взвешивания и сопоставления различных конституционных ценностей, а сама эта технология представлена в качестве универсальной (всеобъемлющей) методологии реализации конституционного правосудия, включая осуществление нормоконтроля и разрешение компетенционных споров, официальное толкование Конституции, рассмотрение всех видов обращений в Конституционный Суд.

Ценностное значение Конституции в книге связывается с ее пониманием как нормативно-правового ядра судебного конституционализма, в связи с чем аксиологические характеристики Конституции выводятся, с одной стороны, из ее сущности и основного предназначения, состоящего в обеспечении согласованного взаимодействия, достижения баланса интересов посредством установления адекватного общественной практике и эффективного механизма разрешения возникающих в обществе социальных, политических, экономических противоречий (с. 53), а с другой — из ее юридических свойств как Основного закона, включая учредительный характер, верховенство, высшую юридическую силу, прямое действие, сочетание юридической стабильности и динамизма (с. 65–72). При этом в качестве основополагающих ценностно-нормативных начал онтологии Конституции, «ценностей ее бытия», Н.С. Бондарь предлагает рассма-

тривать единство «власти — свободы — собственности» как некий «философско-экзистенциальный (троичный) образ основ современного конституционализма» (с. 60). В связи с этим в качестве приоритетной в современных условиях ставится задача гармонизации политической и экономической власти в соотношении со свободой (с. 62), а также отмечается насущная потребность возрастающего государственного влияния на соответствующие процессы (с. 64).

Особое внимание автор уделяет ценностным аспектам конституционного права, рассматривая эти вопросы в свете конституционализации государственного права (с. 72–81). Конституционализация в данном случае как раз и является отражением процесса кристаллизации и объективирования в государственном праве конституционных ценностей, их возведения государственно-правовыми средствами на уровень формально-юридических доминант (и одновременно рамок, ограничителей) общественно-государственных отношений. Ценность конституционного права в представлении Н.С. Бондаря определяется прежде всего особенностями самого предмета данной отрасли права и вытекающими из этого характеристиками ее юридической природы, ее социально-целевым назначением в правовой системе государства. Конституционное право предлагается рассматривать как «ядро всей правовой системы и каждой отрасли в отдельности» (с. 76). В этом качестве, по мнению Н.С. Бондаря, конституционное право: а) обеспечивает закрепление, охрану, гармонизацию, разрешение противоречий власти, собственности, свободы, выступает системообразующим началом

государственно-правовой действительности и всей правовой системы; б) сочетает в себе элементы частного и публичного права и является для каждого из них базовым, т.е. является отраслью публично-частного права; в) имеет расширяющуюся сферу предметного охвата и регулирует не только властеотношения, но и проникает также в области социальных, экономических, культурных и иных отношений; г) характеризуется подвижным, раздвигающимся кругом источников, которые, в свою очередь, становятся источниками и других отраслей (решения Конституционного Суда и прецедентное право других высших судов России, практика Европейского Суда по правам человека).

Основным проводником и одновременно генератором конституционных ценностей, важнейшим инструментом формирования аксиологии судебного конституционализма Н.С. Бондарь считает Конституционный Суд РФ, а средством, с помощью которого достигается такое его положение, являются акты (решения) конституционного правосудия, сочетающие в себе нормативные и доктринальные начала (с. 82–119). При этом, выполняя охранительно-гарантирующую функцию в отношении Конституции и обеспечивая своего рода конституционализацию социально-политических ценностей, институт конституционного правосудия и сам выступает в качестве одной из важнейших конституционных ценностей. Во многом именно от нее зависит нерушимость всех прочих элементов конституционной аксиологии, эффективная и сбалансированная реализация совокупного ценностно-нормативного потенциала Конституции.

По мнению Н.С. Бондаря, институт конституционного право-

судия и его материализованное воплощение в соответствующих конституционно-судебных актах не могут быть растворены соответственно в судебной власти и судебной практике и сведены к ним, поскольку Конституционный Суд — «больше, чем суд», он еще и особый «квазиправотворческий» орган (с. 84). Именно с этим он связывает возможности конституционного правосудия — путем погружения на уровень метаюридических основ сущности и смысла (духа) Конституции, в которых содержится высокая степень концентрации политических, нравственно-этических, социокультурных начал — не только констатировать наличные, непосредственно выраженные в Конституции ценности, но и выводить конституционные ценности из системы конституционно-правового регулирования и реальной конституционной практики (с. 85). Решения Конституционного Суда обособляются от его правовых позиций, под которыми предлагается понимать «получающие свое обоснование в процедуре конституционного правосудия нормативно-доктринальные выводы, установки и оценки по вопросам права в рамках решения Конституционного Суда, принятого по итогам рассмотрения конкретного дела» (с. 97). Н.С. Бондарь исходит из того, что именно правовые позиции придают актам Конституционного Суда качества источников права и вместе с тем предопределяют их специфическую, нормативно-доктринальную, природу.

Аксиологические характеристики правовых позиций Конституционного Суда, по его мнению, определяются такими их свойствами, как: а) концептуальный, ценностно-доктринальный характер; б) юри-

дическая обязательность, в которой выражается их нормативно-ценностное (регулятивное) значение; в) итогово-обобщающая природа, характеризующая их ценностно-методологическое значение как в рамках практики конституционного правосудия, так и в более широкой сфере собственно российского права; г) непосредственно-оценочная роль, связанная с отражением в правовых позициях отношения Конституционного Суда к конкретной норме, составляющей предмет обращения; д) общенормативный (квазипрецедентный) характер.

Конституционную ценность конституционного правосудия и его актов автор выводит не только из самих по себе места и роли Конституционного Суда в государственно-правовой системе, а также природы его решений, но и из особенностей конкретного и абстрактного конституционно-судебного контроля (с. 98–119). Так, ценность абстрактного нормоконтроля связывается с ориентацией преимущественно на защиту общих интересов и вовлечением Конституционного Суда в рамках соответствующих процедур в становление и развитие суверенной демократической государственности. Основная же ценность конкретного нормоконтроля характеризуется целями защиты и восстановления прав и свобод человека и гражданина, нарушенных применением закона в конкретном деле. Вместе с тем Н.С. Бондарь на примере анализа конкретного нормоконтроля и его основополагающего института, каковым является конституционная жалоба, демонстрирует, что разделение абстрактного и конкретного нормоконтроля по их целевой направленности является во многом услов-

ным. В самом деле, строгое следование этому подходу может крайне настороженно восприниматься с позиции предназначения института конституционного правосудия как такового, если учесть, что оно связано с согласованием конституционных ценностей, включая частные и публичные интересы. Поэтому и конституционная жалоба, в авторском видении, предстает как в том числе важный инструмент обеспечения и поддержания нормального функционирования всего конституционного правового порядка, что обусловлено уже самой природой конституционных прав, опосредующих как субъективно-личностные, так и национально-всеобщие интересы.

В основную проблематику аксиологии судебного конституционализма автор включает также вопросы соотношения национальной конституционной и европейской конвенционной юрисдикции, ориентируясь прежде всего на конституционное включение международно-правовых регуляторов в состав нашей правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции). Аксиологические характеристики этого принципа состоят в том, что он, с одной стороны, обеспечивает проникновение наднациональных, включая европейские, ценностей современного конституционализма в российское право, а с другой — создает условия для дополнительного обеспечения, гарантирования и защиты национальных конституционных ценностей наднациональными институтами (с. 120–121). Соответственно Н.С. Бондарь исходит из признания особого конституционно-ценностного значения европейской конвенционной юрисдикции (с. 120) и конституционно значимого характера самой по себе Конвенции о защите прав человека и основ-

ных свобод (с. 126), обосновывает конституционную природу конвенционных прав и свобод, как принципиально идентичных конституционным правам и свободам (с. 127). Вместе с тем он стремится избежать отождествления природы и последствий конвенционной и конституционной юрисдикций, рассматривая европейский контроль как прежде всего контроль над правоприменением (с. 137), который хотя и неизбежно включает в себя «элементы конвенционно-надзорной функции в отношении национального законодательства» (с. 138), все же не предполагает их осуществления в качестве основного своего предназначения. Автор проявляет сдержанность в оценках природы решений Европейского Суда по правам человека, в которых усматривает определенное сочетание казуально-юрисдикционных и прецедентно-толковательных начал (с. 133). В связи с этим решения Европейского Суда не являются в собственном смысле актами нормоконтроля, не определяют судьбы нормы национального права. Но они должны учитываться законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права (с. 154–155), а также они служат основанием для пересмотра (в рамках национального механизма) судебных решений, вынесенных в отношении лица, чьи конвенционные права и свободы подверглись нарушению (с. 155). Вместе с тем правовые позиции Европейского Суда рассматриваются в книге как важная ценность конституционно-судебного контроля, раскрываются конкретные формы (способы) их влияния на принимаемые Конституционным Судом решения (с. 140–154).

В заключение автор формулирует ряд выводов, обобщений, гипотез о роли конституционных ценностей в условиях современного глобализирующегося мира. Нетривиальным является тезис о том, что правовая глобализация служит объективным фактором повышения значения конституционных ценностей (с. 163), и именно универсальные конституционные ценности современной демократии должны служить прагматической основой правовой глобализации (с. 169). В этом контексте Н.С. Бондарь обосновывает принципиально конституционную природу европейской интеграции (с. 166), обозначает предпосылки и некоторые основные характеристики формирующегося европейского конституционализма (с. 167). Особым образом оговариваются проблемы конкуренции конституционных ценностей, связанных с правами человека и безопасностью, которые предлагается решать, исходя из понимания самой безопасности как конституционной категории, отражающей не только публичные, но и частные интересы (с. 171).

В рамках замечаний можно обратить внимание на ряд спорных, неоднозначных моментов работы.

Во-первых, одной из важных, первостепенных характеристик аксиологического подхода является, как известно, личностное измерение права, что определяет, в свою очередь, неразрывное единство аксиологического и антропологического подходов. К сожалению, личностным аспектам аксиологии судебного конституционализма в книге не уделяется должного внимания, а конституционные ценности раскрываются преимущественно в объективно-формальном и процедурно-динамическом смыслах. В этом плане нельзя не обратить

внимание и на определенное гипостазированное восприятие аксиологии, рассматриваемой в отдельных случаях даже в виде эквивалента самой философии конституционализма (с. 13). Но философское измерение конституционализма, очевидно, несводимо к ценностным моментам, хотя бы потому, что подобный ригористический подход исключал бы из поля зрения, в частности, различные формы проявления дефектов и дисфункций в конституционном праве, которые не могут быть отнесены к категориальному ряду ценностей. Онтологические, прагматические, юридико-антропологические и иные философские характеристики конституционализма не должны противопоставляться аксиологическим его характеристикам и подменяться ими, именно в их взаимосвязи формируется целостное философское видение конституционно-правовой реальности.

Во-вторых, заявленная автором роль конституционного правосудия в генерировании конституционных ценностей выглядит, с одной стороны, несколько преувеличенной, а с другой — не до конца проясненной в аспекте собственно инструментально-технологического процесса ее реализации. Нельзя не учитывать, что генерация конституционных ценностей, предполагающая выявление, выражение и формирование общезначимых, общепользовательных моделей (типов) отношений, в условиях конституционной демократии не может не обуславливаться прежде всего институтами выборного (народного) представительства, которые как раз обеспечивают материализацию суверенной воли народа и юридизацию его ценностно-нормативной системы (сложившейся и развивающейся, перспективной). Конституционное

правосудие включается в этот процесс, надо полагать, в субсидиарном качестве, поскольку обеспечивает связную (только в связи с конкретными обращениями) проверку уже законодательно оформленных в том или ином виде социальных ценностей и предпочтений в их определенном взаимном соотношении. Презумпция конституционности закона обязывает с уважением относиться к соответствующей воле законодателя, поскольку в ней отражается воспринятая законодателем воля самого народа. Но и исполнение решений Конституционного Суда, дисквалифицирующих нормативные положения, также связано с дискрецией законодателя, который самостоятельно оценивает приоритеты государственной политики. В этом плане уместно говорить о необходимости формирования своего рода конституционного партнерства между конституционным правосудием и народным представительством в рамках становления и развития аксиологической основы современного российского конституционализма.

В-третьих, может вызвать сомнения взгляд на конституционное право как на ядро не только всей правовой системы, но и каждой отрасли права (с. 76). Не означает ли это, что конституционному праву придается своего рода комплексный характер, а его нормам — «двойная прописка»: и в конституционном праве, и в соответствующей иной профильной отрасли? Признание конституционного права в том числе ядром каждой отрасли права не только обеспечивает конституционализацию всех элементов отраслевой структуры российской правовой системы (что весьма позитивно), но и неизбежно влечет за собой формирование серьезного «поглощающего» воздейст-

вия на конституционное право со стороны других отраслей, возникает угроза отраслевого распыления конституционного права, его партикуляризации, и реальность этой угрозы едва ли стоит преуменьшать.

Надо признать, что наличие в монографии этих и ряда других дискуссионных моментов свидетельствует об объективной сложности, многогранности, противоречивости

тех отношений, процессов, институтов, явлений, с которыми связан предмет исследования. Совершенно очевидно, необходима дальнейшая целенаправленная, системная научная проработка в отечественном правоведении в единстве с иными направлениями общественнонаучной комплексной тематики конституционных ценностей, их роли и значения в конституционном праве и правосу-

дии. Книга Н.С. Бондаря определяет важные исходные предпосылки концептуально-методологического характера для успешной реализации подобной работы и, вне всяких сомнений, может представлять чрезвычайный интерес для всех неравнодушных к проблемам современного состояния и перспективам развития конституционной государственности России. **ЮМ**

Литература

1. Выступление Президента РФ В.В. Путина на итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243>
2. Муромцев С.А. Что такое догма права? Критико-poleмическая заметка по поводу статьи г. Гольмстена // Юридический вестник. 1884. Т. XVI. № 5-6. С. 239-240.